

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.1

DOI: 10.17223/22253513/34/1

Д.А. Липинский, А.А. Мусаткина

ПРАВОНАРУШЕНИЕ КАК КОНФЛИКТ С ЦЕННОСТЯМИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ¹

Анализируются характеристики правонарушения как разновидности социального конфликта с существующими в конкретном обществе и государстве ценностями. Показывается отсутствие тождественности понятий «социальная ценность» и «ценность, установленная государством», а также обосновывается возможность порождения правонарушений самим государством. Доказывается, что с социальной стороны правонарушение представляет собой разновидность социального конфликта не только с реальными, но и с формальными ценностями, которые могут не совпадать с истинными общественными ценностями.

Ключевые слова: правонарушение, юридический конфликт, правонарушение и ценности, виды правонарушений, антисоциальные установки, социальные ценности, правовая система.

Введение

Правонарушение как общая категория юридической науки и отдельные его разновидности достаточно детально исследованы в правовой литературе, данной проблематике посвящены многочисленные кандидатские и докторские диссертации, а также монографические работы. Давно аксиоматичными стали утверждения о таких признаках правонарушения, как деяние, виновность, общественная опасность (вредность), деликтоспособность субъекта, наказуемость (предусмотренность юридической ответственности) как в отечественной, так и в зарубежной литературе [1–4]. Между тем с социальной стороны правонарушение представляет собой конфликт субъекта с существующим государством или обществом, с системой ценностей, которая закреплена в правовых нормах. При этом в оценке деяния как правонарушения не принимается во внимание возможность закрепления ценностей, чуждых данному обществу на том или ином этапе его развития, которые на самом деле таковыми не являются.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

Правонарушение – это не только формальное, но и социальное явление, обусловленное противопоставлением правонарушителя обществу, а также порождением правонарушаемости самим обществом, его несовершенством и недостатками. Как бы парадоксально это ни звучало, но государство и общество борются с правонарушениями и одновременно сами их воспроизводят (провоцируют), в чем и проявляется философский закон единства и борьбы противоположностей, так как правонарушаемость выступает совокупностью конфликтных общественных отношений, существующих в обществе. Правонарушение – это конфликтное общественное отношение, так как субъект нарушает установленный в правовых нормах порядок взаимодействия с другими индивидуальными или коллективными субъектами. Изложенное выше дает основание утверждать о перспективности исследования правонарушения не с формальной стороны, а с социальной, что позволит не только глубже проникнуть в его сущность, но и определить пути и средства устранения данного конфликта, что, несомненно, будет способствовать профилактике различных социальных отклонений.

Правонарушение как конфликт

Конфликт – это явление, которое изучается различными науками: философией, социологией, политологией, экономикой и юриспруденцией. Безусловно, первенство в исследовании данного феномена принадлежит социальной философии и социологии, в которых определяются родовые признаки конфликта, находящие свое преломление в видовых понятиях юридического, политического, экономического и иных разновидностей конфликта. Понятие конфликта используется для ситуаций, в которых несколько сторон начинают противопоставлять себя друг другу ввиду различных интересов и целей, которыми они руководствуются и которых стремятся достичь. Так, государство всегда стремится создать состояние упорядоченности общественных отношений, оно преследует определенные цели, используя право в качестве инструмента управления социальными процессами. В существующей социальной среде всегда найдутся субъекты, чьи цели, ценности и интересы не согласуются с общественными и государственными идеалами, а также с формальными правилами поведения, закрепленными в правовых нормах.

Если обратиться к философской и социологической литературе, то в ней определяется, что «конфликт – это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» [5. С. 38]. В социологии конфликт рассматривается не только как негативное, но и как позитивное явление, которое позволяет сменить устаревшие общественные отношения на более прогрессивные. Применительно же к правонарушениям, которые являются крайней формой конфликта, сложно утверждать, что они являются явлениями позитивными, по крайней мере в большей их части.

В основе существования конфликта находится само государство, так как именно посредством его правотворческой деятельности устанавливаются правовые нормы, с требованиями которых могут быть не согласованы деяния субъекта. Как это ни парадоксально, но любой тип государства и соответствующая общественно-экономическая формация в том или ином количестве будут провоцировать конфликтные отношения. Известно, что марксистская теория государства сводит его сущность к антагонистической борьбе между классами, когда противостоящие классы находятся в состоянии конфликтных отношений. Если бы причины правонарушений и иных социальных отклонений находились только в плоскости противоречий между различными классами, то смена экономической формации, политического режима, государственного строя означала бы и существенное уменьшение конфликтных отношений, а следовательно, и правонарушений. Однако, как показала практика общественного развития, переход от капитализма к социализму и от социалистических отношений вновь к капиталистическим не привел к существенному уменьшению количества правонарушений, как и переход европейских государств от капиталистических к социальным отношениям (например, в Швеции) не повлек существенного снижения уровня правонарушений.

Можно предположить, что правовое государство характеризуется меньшим количеством противоречий и конфликтных отношений. Однако правовое государство – это идеал (как в свое время существовал идеал коммунизма), к которому необходимо стремиться. Но возникает вопрос: а возможно ли достичь этого идеала? Не существует в мире государств, которые бы полностью соответствовали всем признакам и принципам правового государства. В любом государственно организованном обществе есть определенная элита, которая использует правовые инструменты для закрепления и удовлетворения собственных интересов, которые могут не совпадать с интересами всего общества. Утверждение о том, что государственный аппарат работает исключительно для удовлетворения общественных интересов, не соответствует реальной действительности. Он функционирует и в интересах узких слоев населения, политических элит, бизнес-структур, а также в собственных целях. О том, насколько механизм того или иного государства обслуживает интересы всего общества, мы можем судить, исходя из существующего уровня коррупции в стране. Особую опасность в данном случае представляет политическая коррупция, или так называемая коррупция элиты, в руках которой законодательные рычаги, а следовательно, она может устанавливать ценности, которые чужды для общества в целом и являются таковыми только для узкой группы индивидов или бюрократического аппарата. Таким образом, провоцируются неприятие правовых ценностей и юридический конфликт, что из внутреннего (психологического) неприятия правовых норм может в итоге выливаться в противоправный поведенческий акт.

Являясь сторонниками концепции правового государства, считаем необходимым отметить, что сама ангажированность идеей прав человека в

конечном итоге может привести к появлению крылатой фразы, которая более века назад относилась к идее коммунизма: «По Европе бродит призрак – призрак правового государства» или «По Европе бродит призрак – призрак прав человека». Идея правового государства не должна возводиться в абсолют. В самих основополагающих принципах правового государства, если их довести до абсурда, заложены юридический конфликт и возможная правонарушаемость. Например, согласно принципу иерархии ценностей, на первом месте находятся права и свободы человека, его законные интересы, далее идут интересы общества, и только затем – интересы государства. Возвеличивание собственного «Я», т.е. эгоизм, в итоге может приводить (и приводит) к злоупотреблению правом, которое по своей сущности является разновидностью правонарушения, а следовательно, и юридическим конфликтом.

Государство в правовых нормах закрепляет социальные ценности, устанавливает правила национальной, в том числе и экономической, безопасности, предусматривает стандарты взаимодействия между субъектами общественных отношений. В правовых нормах находят свою формализацию существующие в тот или иной период развития общества и государства идеалы и ценности, которые, в свою очередь, обусловлены существующими экономическими, политическими, моральными, религиозными и иными отношениями, а также традициями, менталитетом и национальной идеей. На разных этапах развития общества они различны, а право как было, так и осталось надстройкой над всей системой общественных отношений. Правонарушения появились одновременно с возникновением государства и права, так как в свойствах отдельных личностей заложено возможное несогласие с существующим правопорядком в целом либо отдельными его элементами. Внутреннее несогласие может возникать по различным причинам: на основе антисоциальных установок отдельных личностей, чьи ценностные ориентиры не согласуются с самыми элементарными правилами человеческого общежития ввиду того, что само право не успевает за развитием общественных отношений и продолжает охранять идеалы и ценности, которые уже перестали быть таковыми, или по причине опережения правового развития, когда в правовых нормах закрепляются отношения, которые фактически не сформировались в обществе ввиду закрепления в правовых нормах интересов узких слоев общества. Можно заметить, что в работе мы пишем о конфликтах как с ценностями общества, так и с ценностями государства. Конечно, такое разделение носит условный характер. Современный мир характеризуется государственно организованными обществами, но интересы общества и государства могут не совпадать ввиду различных причин. Тогда и появляются правовые нормы, которые изначально конфликтны и не будут соблюдаться большинством их адресатов.

Если та или иная норма массово нарушается гражданами, которые в целом не характеризуются антисоциальными установками, то возникают вопросы: а отражает ли она существующие отношения, справедлива ли данная норма? Вполне возможно, что ее закрепили ошибочно и необязательно

ввиду того, что правящая элита желала утвердить в ней собственные интересы, которые расходятся с интересами большинства членов общества. Если не принимать во внимание некоторые разновидности правонарушений, которые противоречат самым элементарным правилам человеческого общежития, то в вопросе о существовании других запретов с обязанностями и ответственностью за их нарушение неизбежно сталкиваешься с проблемой соотношения права и справедливости, а также оценкой того, насколько само право в тех случаях, когда оно противоречит идеалам справедливости, провоцирует внутренний конфликт субъекта с нормативными требованиями. Как бы мы того ни хотели избежать, возникают вопросы о том, являются ли правом нормы с несправедливым содержанием, о соотношении права и законности и других философско-правовых проблемах, которые тесно соприкасаются с проблемой понимания правонарушения как конфликта.

Если обратиться к истории, то революции, как правило, несли благо для общества в целом, так как происходила смена устаревших общественных отношений, политического режима, государственного строя, экономической формации, провозглашались различные поколения прав человека. Но возникает вопрос: а с позиции действовавшего на тот момент права кем являлись революционеры? Если отвечать на него с формальной стороны, то ответ будет однозначным – они были преступниками, так как их действия нарушали многочисленные запреты и обязанности, существующие в том или ином государстве на определенном историческом этапе его развития. Если исходить из социального понимания правонарушения, когда в его определении присутствует признак общественной опасности, то ответ на данный вопрос будет носить неоднозначный характер. В этом смысле интересны суждения известного социолога Э. Дюркгейма, который указывал, что «длительное время свобода слова во многих странах была под запретом, который постоянно нарушался различными субъектами, стремящимися свободно выражать свои мысли... преступление (конфликт) есть факт нормальной социологии, вовсе не следует, что его необходимо ненавидеть» [6. С. 468].

Проблема понимания правонарушения как конфликта многогранна, она усложнена еще и тем, что законодатель может механически навязать в правовых нормах систему ценностей, которые не соответствует менталитету и чужды для той или иной правовой системы. Так, Р.А. Ромашов указывает, что «если говорить о правовых ценностях, закрепленных в действующей российской Конституции, то следует признать, что это ценности западной культуры. Является ли это благом для русской национальной культуры, базирующейся на общественных, а точнее общинных ценностях православия, благом? Лично я очень сильно в этом сомневаюсь» [7. С. 47]. В нормативном церковном акте «Об основах социальной концепции Русской православной Церкви», принятом на Архиерейском соборе в августе 2000 г., указывается, что необходимо «подходить к процессу правовой и политической интернационализации с осторожностью... при проведении политики,

связанной с принятием обязывающих международных соглашений и действиями международных организаций, правительства должны отстаивать духовную, культурную и иную самобытность стран и народов, законные интересы государства» [8. С. 20]. Кроме того, в нем неоднократно подчеркивается чуждость западных ценностей отечественной православной культуре, указывается на недопустимость механического заимствования опыта западных демократий, который только на первый взгляд может показаться прогрессивным, но будет чуждым нашему менталитету. Заимствуя правовые нормы, которые не рассчитаны на российские общественные отношения, государство само может провоцировать юридический конфликт, который в самых негативных формах выльется в совершение правонарушений.

Российскому менталитету свойственны черты общинности, коллективизма. Скорее всего, именно по этой причине признак общественной опасности закреплен в законодательном определении преступления. Тем не менее И.Я. Гилинский верно отметил, что «нет ни одного поведенческого акта, который был бы “преступным” сам по себе, по своему содержанию, независимо от социального контекста... Преступность проявляется в деяниях, признаваемых законодателем преступными. Признак общественной опасности столь расплывчат, что не может сам по себе быть критерием “преступности” без ссылки на указание в уголовном законе» [9. С. 5]. Напомним, что в правовой литературе правонарушение с небольшими терминологическими нюансами определяют как общественно вредное (или опасное) противоправное и виновное деяние деликтоспособного субъекта, влекущее юридическую ответственность [10. Р. 1549]. Можно предположить, что общественная опасность закреплена в определении понятия преступления ввиду российских традиций общинности и существующего менталитета. И не случайно в зарубежной правовой доктрине преобладает формальное определение понятия преступления без указания на признак социальной опасности или вредности. Так, А.Г. Карвелл и Е. Свифен Грин, а также ряд других исследователей считают, что «хорошим рабочим определением преступления является такое, которое обозначает преступление как действие или упущение, запрещенное законом под страхом наказания» [2. Р. 31; 3. Р. 13]. Ввиду законодательных традиций и схожей правовой культуры в странах бывшего СССР признак «общественная опасность» определен в легальных формулировках понятия преступления. Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь, Республики Молдова он закреплен в качестве обязательного [11, 12]. И напротив, в странах с западной общей и правовой культурой признак общественной опасности отсутствует. Так в Уголовном кодексе Бельгии указывается, что «правонарушение, которое закон карает уголовным наказанием, образует преступление» (ст. 1, гл. 1) [13]. Аналогичным образом поступают законодатели Германии и Швейцарии [14, 15]. Более того, в уголовном законодательстве Франции вообще отсутствует легальное определение преступления, но указывается, что его составляют только те деяния, которые сформулированы в уголовном кодексе [16].

Проведенный анализ показывает, что крайней степени формализм, свойственный западным правовым культурам, находит свое отражение и в понятии преступления. В законодательном определении преступления в России сочетаются общественные (коллективные) начала и формальные признаки. Теоретически из данного положения вытекает, что под запретом должны находиться нарушения наиболее общих ценностей, свойственных всем слоям общества, классам и иным социальным группам. Следует отметить, что анализ уголовных кодексов различных стран показывает, что существует схожий перечень объектов посягательств, независимо от национальных, региональных, религиозных или иных особенностей правовой системы, находящихся под уголовно-правовой охраной, а именно: жизнь, здоровье, конституционный строй, общественный порядок, общественная безопасность и др. [17–19].

Экономическое правонарушение как конфликт

Особое внимание необходимо уделить экономическим правонарушениям, так как экономические отношения – одна из основ любого государства и общества наряду с политическими, культурными, национальными, религиозными и иными социальными связями. Без нормального функционирования экономических отношений невозможны развитие экономики, наполняемость бюджета, а также реализация государством его функций. Права человека без финансового обеспечения превращаются в благие пожелания и декларации, а не в реальный ограничитель государственной власти.

Всем известны различные системы экономики: административно-командная и рыночная. Первая в ее классическом и самом жестком виде (существовавшая в СССР за исключением периодов НЭПа и послаблений реформ М.С. Горбачева) полностью запрещает предпринимательскую деятельность и частную собственность на орудия и средства производства и сдерживает инициативу субъектов. Одновременно меньше и удельный вес экономических правонарушений, так как существующие экономические отношения характеризуются меньшей степенью конфликтности ввиду непосредственного участия в них государства. К примеру, при административно-командной системе экономики в принципе невозможно было совершить такое экономическое правонарушение, как уклонение от уплаты налогов. Составы налоговых преступлений в действовавшем Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. появились только после 1986 г., когда М.С. Горбачевым была частично легализована предпринимательская деятельность. До 1986 г. в Уголовном кодексе РСФСР существовала только одна статья, посвященная уклонению от уплаты налогов, которое совершено в период военного времени.

Рыночная экономика характеризуется свободой предпринимательской деятельности, в ее основе – частная собственность, свободная и добросовестная конкуренция, а роль государства заключается в предоставлении формальных и фактических возможностей для проявления предпринима-

тельской инициативы, а также в стимулировании путем прямого или косвенного участия развития тех или иных отраслей производства. Кроме того, как и при административно-командной модели экономических отношений, деятельность государства направлена и на борьбу с экономическими правонарушениями, установлением запретов, а также самих «правил игры» субъектов экономической деятельности. Однако оборотная сторона «медали» рыночных отношений состоит в высокой конфликтности, которая обусловлена конкуренцией и несовпадающими интересами их участников, стремлением извлечения прибыли, в том числе и незаконными способами.

Понятие правонарушения, в том числе и экономического, можно рассматривать в двух плоскостях. Во-первых, как явление формальное, закрепленное в нормативном акте в виде законодательной дефиниции, а также как научное явление (определение). Во-вторых, как реальный юридический факт, т.е. правонарушение, совершенное в действительности. Действующее российское законодательство не содержит легального определения экономического правонарушения. Это понятие научное и во многом носящее обобщающий характер. В качестве «общего знаменателя», объединяющего данные правонарушения в одну группу, выступает объект посягательства – экономические отношения. Правонарушитель, посягая на экономические отношения, вступает в юридический конфликт с установленным правопорядком, с теми ценностями, которые закреплены в правовых нормах. Сами экономические отношения изначально конфликтны, в них сталкиваются интересы различных субъектов, которые стремятся к извлечению выгоды в условиях жесткой конкуренции. Однако вопрос состоит в том, выберут ли субъекты цивилизованные и законные способы разрешения назревших противоречий или пойдут на нарушение закона.

Проблема экономических правонарушений усложнена и тем, что в мировом сообществе существуют «теневые», т.е. незаконные экономические отношения, которые стали дестабилизировать мировую экономику в целом. Речь идет о таких опасных для всего мира явлениях, как незаконная торговля оружием, наркотическими средствами, работорговля, отмывание денег, полученных преступным путем, использование экономических сделок в качестве «ширмы» для дачи взяток как международным, так и внутригосударственным должностным лицам. Таким образом, экономические правонарушения давно «покинули» рамки национальных границ и вышли на международный уровень. О том, что экономические правонарушения стали носить межгосударственный характер, свидетельствуют международные нормативные правовые акты. Так, прежде всего следует назвать Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма (заключена в Варшаве 16.05.2005 г.) [20], Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (заключена в Страсбурге 08.01.1990 г.) [21]. Универсальными конвенциями, в которых затрагиваются вопросы борьбы с теневой (крими-

нальной) экономикой, являются Конвенция ООН против коррупции, принятая генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г., которая ратифицирована Российской Федерацией 8 марта 2006 г. [22], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. [23]. Как следует из анализа международных нормативных правовых актов, направленных на борьбу с коррупцией, организованной преступностью и экономическими правонарушениями, они являются своеобразными «спутниками», так как одно явление воспроизводит другое. Это своеобразный замкнутый круг, в основе которого находится конфликт субъектов с существующей системой ценностей.

В Российской Федерации экономические правонарушения складываются из совокупности деяний, предусмотренных Уголовным кодексом, Кодексом об административных правонарушениях, Налоговым кодексом, Бюджетным кодексом. Уголовный кодекс РФ содержит специальный раздел, посвященный преступлениям в сфере экономики. Причем анализ уголовного законодательства зарубежных стран показывает, что экономические отношения – это универсальный объект уголовно-правовой охраны, что вполне объяснимо их базисным характером [12–17].

Подводя предварительные итоги, можно выделить несколько групп экономических правонарушений. Во-первых, экономические правонарушения, представляющие опасность для мировой экономики и международной безопасности, противоречащие основополагающим общечеловеческим ценностям, а следовательно, вступающие с ними в конфликт. Во-вторых, внутригосударственные экономические правонарушения, которые также противоречат общим ценностям (такое деление носит несколько условный характер, так как одно и то же преступление может одновременно носить международный и внутригосударственный характер). В-третьих, экономические правонарушения административного характера, вступающие в конфликт с определенной группой ценностей, свойственной той или иной общественно-экономической формации. В-четвертых, экономические правонарушения гражданско-правового характера, которые отчасти могут быть обусловлены и самой несправедливостью гражданско-правовых запретов.

Возвращаясь к вопросу о гражданско-правовых правонарушениях, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой справедливости гражданско-правовой ответственности, так как если иные группы экономических правонарушений, как правило, совершают лица с резко отрицательными социальными установками, то гражданско-правовые правонарушители в основной своей массе не являются таковыми. Часто совершение деликтов обусловлено тем, что внутренний конфликт субъекта обусловлен не его низкой правовой культурой, а несправедливостью самих гражданско-правовых запретов. Поэтому для целей нашего исследования необходимо обратиться к понятию справедливости гражданско-правовой ответственности. Так или иначе, различные концепции социальной справедливости находят свое отражение и в действующем законодательстве. Правовые нормы и действующее зако-

нодательство – это отражение существующих в обществе представлений о справедливости и способах разрешения существующих конфликтов. «Справедливость – это первая человеческая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли... Будучи первыми добродетелями человеческой деятельности, истина и справедливость бескомпромиссны» [24. С. 19]. Образное и красивое значение справедливости приводит Питер А. Коннинг, по мнению которого «справедливость – своего рода заветная нить, которая связывает общество в единое целое» [25. С. 373].

В мировой науке существуют различные концепции социальной справедливости. Так, в основе либерального подхода к социальной справедливости находится «локковское требование права на жизнь, свободу и собственность, до сих пор составляющие политическое кредо либерализма» [26. С. 36]. Локковский либерализм развивается в работах радикала Роберта Нозика. По своей сути его идея справедливости состоит в отношении к государству: «Минимальное государство – это максимальное государство, существование которого может быть оправдано» [27. С. 193]. Концепция справедливого владения имуществом, по Роберту Нозику, достаточно проста, – она сводится к распределительному аспекту справедливости, который заключается в обладании титулом на имущество, полученное на основании распределения. Такие суждения сродни концепции Ф. Хайека, согласно которой идея социальной справедливости пуста, а в справедливости находятся только истоки тоталитаризма, так как общество не может быть справедливым или несправедливым [28. Р. 136]. По своей сути подобные взгляды основываются, как ни парадоксально, на правах человека, возведенных в некий абсолют, и на крайнем эгоизме, который отрицает общественные начала справедливости.

Интересна позиция справедливости Д. Ролза, основанная не только на формальном равноправии, но и на распределительном аспекте социальной справедливости [24. С. 42]. Однако она также относится к категории либеральных концепций, которые неизбежно будут порождать конфликты между общественным и индивидуальным.

Ученые, относящиеся к чикагской школе, предприняли попытку соединения крайнего экономического прагматизма с правовым, основанным на признании прав человека высшей ценностью и приоритете личного над общественным [29. Р. 271]. По своей сути экономико-правовой подход исключает нормативное и социальное значение справедливости, ставя во главу угла увеличение благосостояния и эффективности. Схоже рассуждают Л. Кэплу и С. Шэйвел [30. Р. 991]. На первый взгляд может сложиться впечатление, что концепции ученых не имеют значения для проблемы юридического конфликта и экономических правонарушений. Однако они могут находить свое реальное воплощение в проводимой государством (его должностными лицами) правовой политике. Средствами такой политики выступают введение различных критериев эффективности ради достижения сиюминутных целей, отсутствие учета национальных традиций,

а также «подстраивание» права под проводимую политику «эффективности». Навязанные извне стандарты и философия «справедливости», которая чуждая нашему обществу, перестают работать и порождают конфликт, в том числе и гражданско-правовой.

Россия со своим менталитетом всегда была в поисках «золотой середины». Резкие смены курса не приводят к позитивным результатам, а наоборот, скорее, наносят вред и порождают конфликты. Так, многочисленные гражданско-правовые конструкции, воплощенные в различных частях Гражданского кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актах, были заимствованы с гражданских кодексов европейских стран, где рыночные отношения существуют уже не одно столетие, да и рассчитаны они совсем на иную общую и правовую культуру. Поэтому неудивительно, что они не работают, а в Гражданский кодекс РФ вносятся бесконечные поправки, дополнения и изменения. Навязанное сверху искусственно и не будет реализовываться, итогом же внедрения чуждой теории в реальную социальную практику выступают многочисленные экономические конфликты и правонарушения.

О справедливости в гражданском праве, которая соответствует российскому менталитету, пишет А.Я. Рыженков. Так, им указывается, «что в гражданском праве равенство не носит самостоятельного и всеобъемлющего характера; оно уживается и тесно взаимодействует с совершенно противоположным началом, которое, хотя и не включено в состав “основных начал” гражданского законодательства, тем не менее получает широкое признание и закрепление. Равенству противостоят неравенство, дифференциация прав и обязанностей, а наиболее яркой и радикальной формой дифференциации является иерархия. Исходя из этой правовой позиции, вполне возможным представляется ограничение прав одних субъектов гражданского права в пользу других, более слабых и уязвимых в социально-экономическом отношении» [31. С. 53].

Экономические правонарушения гражданско-правового характера будут минимизироваться, если справедливость в нормах гражданского права станет соответствовать «исторически сложившимся в обществе представлениям о соответствии социальным идеалам возмещения и распределения между участниками правоотношения убытков и иных неблагоприятных последствий в связи с нарушением договора, причинением вреда, недобросовестным поведением» [21. С. 51]. Как ни парадоксально, но не утратила своего значения теория справедливости, учитывающая уравнительные и распределительные начала, но не в ее крайнем социалистическом понимании. Она несет в себе здравый смысл и учитывает общественный менталитет нашего общества. Отметим, что права человека мы признаем важной социальной ценностью. При этом должен существовать разумный баланс между личным и общественным, а также высокая правовая культура, когда субъект, реализуя субъективное право, не злоупотребляет им и не нарушает права другого субъекта, а также не противопоставляет их истинным социальным ценностям, существующим в обществе.

Выводы

Общественная опасность, или вредность, как критерий оценки наличия социального конфликта ввиду ее оценочного характера, который определяют уполномоченные государством субъекты, не влияет на признание деяния преступлением, даже в тех случаях, если в уголовном законе закреплены отношения, которые не являются ценностями и являются чуждыми для данного общества. Отсутствие в законодательных определениях иных правонарушений признака общественной опасности свидетельствует о том, что государство презюмирует в отношениях, взятых под охрану, наличие ценностей для общества, но в реальной действительности ввиду различных причин они таковыми могут и не являться. Совпадение признака общественной опасности (вредности) всех без исключений правонарушений с формальными характеристиками данных правонарушений – это идеал, который не существует в реальной действительности. Причем достижение данного идеала может и не зависеть от приближения государства к эталону правового государства. Таким образом, сам закон, не отражающий социальной действительности, может провоцировать конфликт субъекта с существующим правопорядком.

С социальной стороны правонарушение – это разновидность социального конфликта индивидуального или коллективного субъекта с установленными в том или ином государстве формальными ценностями, перечень которых может не совпадать с ценностями общественными. Экономические правонарушения как разновидность юридического конфликта обусловлены несколькими факторами, каждый из которых имеет преобладающее значение именно для определенной группы экономических правонарушений. Экономическое правонарушение является собирательным понятием и включает в себя все противоправные и виновные деяния, посягающие на экономические отношения, а последние в своей большей части изначально носят конфликтный характер ввиду несовпадающих интересов субъектов, существующей конкуренции и стремления извлечения прибыли. Экономическое правонарушение – это крайняя и незаконная форма разрешения существующего конфликта, которая влечет применение мер юридической ответственности. Нивелированию причин экономических правонарушений будет способствовать воплощение в правовых нормах именно тех ценностей и идеалов справедливости, которые свойственны определенному государству и обществу на том или ином историческом этапе развития. Они должны вытекать из исторических, культурных, духовных и правовых традиций. Все искусственно (механически) навязанное извне обречено на неприятие и порождение новых конфликтов.

Литература

1. Смирнов В.И. К вопросу о сущности преступного деяния : (критический очерк). Харьков, 1998. 120 с.

2. Carvell I., Swinfen Green E. Criminal Law and Procedure. London, 1970.
3. Political Crime in Europe: a comparative study of France, Germany and England. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1979. 320 p.
4. Dreher E., Tröndle H. Strafgesetzbuch und Nebengesetze. Munhen, 1985. 720 p.
5. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М. : Аспект-пресс, 1995. 138 с.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 308 с.
7. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. СПб. : Алетея, 2018. 247 с.
8. Основы социальной концепции Русской православной Церкви. М. : Патриархия, 2000. 41 с.
9. Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 210 с.
10. Lipinsky D., Musatkina A. Social danger of offence in the scientific and legislative definitions in Russia and other countrie // Journal of advanced research in law and economics. 2017. T. 8, № 5. P. 1549–1555.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
12. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003.
13. Уголовный кодекс Бельгии. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2003.
14. Уголовный Кодекс Швейцарии. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
15. Уголовный кодекс Германии. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
16. Уголовный кодекс Франции. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
17. Уголовное законодательство Норвегии. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.
18. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
19. Уголовный кодекс Австралии. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
20. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма : (заключена в Варшаве 16.05.2005) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 8. Ст. 1091.
21. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности : (заключена в Страсбурге 08.01.1990) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3. Ст. 203.
22. Конвенция ООН против коррупции : принята на генеральной Ассамблее ООН 31.10.2003, ратифицирована Российской Федерацией 08.03.2006 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3424.
23. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882.
24. Ролз Д. Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. 2-е изд. М. : URSS, 2010. 536 с.
25. Корнинг П.А. Справедливые доли: по ту сторону капитализма и социализма, биологические основания социальной справедливости // Грани познания: наука, философия, культура в XXI веке / отв. ред. Н.К. Удумян. М. : Наука, 2007. Кн. 1. 308 с.
26. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философская концепция и российская ситуация. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. 236 с.
27. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2008. 429 с.
28. Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty: a New Statement of the Liberal Principles and Political Economy. London ; New York : Routledge, 2003. Vol. II: The Mirage of Social Justice. P. 67–69.
29. Mattei U., Pardolesi R. Law and Economics in civil law countries: a comparative approach // Hastings Intellectual Review of Law and Economics. 1991. Vol. 11. P. 271–272.

30. Kaplow L., Shavell S. Fairness versus Welfare // Harvard Law Review. 2001. Vol. 114. P. 961–966.

31. Рыженков А.Я. Равенство и иерархия в современном гражданском праве // Современное право. 2012. № 9. С. 52–55.

32. Боганов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 539 с.

Lipinsky Dmitry A., Musatkina Aleksandra A., Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation)

OFFENCE AS A CONFLICT WITH THE LEGAL SYSTEM VALUES

Keywords: offence, legal conflict, offence and values, types of offences, anti-social attitudes, social values, legal system.

DOI: 10.17223/22253513/34/1

The characteristics of the offence as a form of social conflict with the values existing in a particular society and state are analyzed. The lack of identity of the concepts of "social value" and "value established by the state" is shown; the possibility of the state to trigger offences is substantiated. The characteristics of crimes provided in the criminal codes of different countries are compared; the sign of public danger (harmfulness), which should theoretically reflect the true system of values for a particular organized society, is analyzed. The commonality of the objects of crimes provided for by the criminal codes of different countries is shown. The signs and types of economic offences, their domestic and international nature, as well as their dependence on the controversial nature of economic relations are analyzed. A comparison of economic offences that typify the administrative-command and market models of the economy is given. The universality of economic relations as objects of legal protection is proved by comparison of the laws in different countries. An enlarged classification of economic offences based on the extent of their social danger and areas of proliferation is singled out.

Particular attention is paid to civil offences as a form of economic offences, which may be based not on the anti-social attitudes of the subject, but on the conflict with a borrowed value system, which is alien to most members of the society. From the social side, the offence is a form of social conflict, not only with real but formal values that may not coincide with true social values. The term "economic offence" is largely of a collective nature and includes all illegal and culpable acts that impinge upon economic relations, and the latter are largely initially conflicting due to the diverging interests of the subjects, the existing competition and the striving for profit. An economic offence is an extreme and illegal form of resolution of an existing conflict that entails the application of liability measures.

The embodiment of the values and ideals of justice inherent in a certain state and society at a historical stage of its development will help to neutralize the causes of economic offences. They must stem from historical, cultural, spiritual and legal traditions. Everything artificially (mechanically) imposed from outside is doomed to rejection and creation of new conflicts, including those in the form of economic offenses.

References

1. Smirnov, V.I. (1998) *K voprosu o sushchnosti prestupnogo deyaniya: (kriticheskiy ocherk)* [On the criminal act (a critical essay)]. Kharkov: [s.n.].

2. Carvell, I.G. & Swinfen Green, E. (1970) *Criminal Law and Procedure*. London: Sweet & Maxwell Limited.

3. Ingraham, B.L. (ed.) (1979) *Political Crime in Europe: a comparative study of France, Germany and England*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

4. Fischer, T., Schwarz, O., Dreher, E. & Tröndle, H. (1985) *Strafgesetzbuch und Nebengesetze*. Munich: C.H.Beck.
5. Zravomyslov, A.G. (1995) *Sotsiologiya konflikta* [Sociology of Conflict]. Moscow: Aspekt-press.
6. Durkheim, E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the Division of Social Labor. The Method of Sociology]. Translated from German. Moscow: Nauka.
7. Romashov, R.A. (2018) *Pravo: normativnost' i deviantnost'* [Law: Normative and Deviant]. St. Petersburg: Aleteya.
8. Russian Orthodox Church. (2000) *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy Tserkvi* [Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. Moscow: Patriarkhiya.
9. Gilinsky, Ya.I. (2015) *Ocherki po kriminologii* [Essays in Criminology]. St. Petersburg: Alef-Press.
10. Lipinsky, D. & Musatkina, A. (2017) Social danger of offence in the scientific and legislative definitions in Russia and other countries. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 8(5). pp. 1549–1555. DOI: 10.14505/jarle.v8.5(27).19
11. Belarus. (2003) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus'* [The Criminal Code of the Republic of Belarus]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
12. Lukashov, A.I. (ed.) (2003) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Moldova* [The Criminal Code of the Republic of Moldova]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
13. Matsnev, N.I. (ed.) (2003) *Ugolovnyy kodeks Bel'gii* [The Penal Code of Belgium]. Translated from French by G.I. Machkovsky. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
14. Serebryannikov, A.V. (ed.). (2002) *Ugolovnyy Kodeks Shveytsarii* [The Penal Code of Switzerland]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
15. Shestakov, D.A. (ed.) (2002) *Ugolovnyy kodeks Germanii* [The Penal Code of Germany]. Translated from German by N.S. Rachkova. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002.
16. Golovko, L.V. (ed.) (2020) *Ugolovnyy kodeks Frantsii* [The Penal Code of France]. Translated from French by N.E. Krylova. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
17. Golik, Yu.V. (ed.) (2001) *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Norvegii* [The Criminal Law of Norway]. Translated from Norwegian by A.V. Zhmenya. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
18. Maksimov, S.V. (ed.) (2002) *Ugolovnyy kodeks Respubliki San-Marino* [The Penal Code of the Republic of San Marino]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
19. Kozochkin, I.D. & Trikoz, E.N. (eds) *Ugolovnyy kodeks Avstralii* [The Australian Penal Code]. Translated from English by I.D. Kozochkin, E.N. Trikoz. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
20. The Council of Europe. (2018) Konventsiya Soveta Evropy ob otmyvanii, vyyavlenii, iz'yatii i konfiskatsii dokhodov ot prestupnoy deyatel'nosti i finansirovaniy terrorizma: (zaklyuchena v Varshave 16.05.2005) [Convention of the Council of Europe on Laundering, Detection, Seizure and Confiscation of Proceeds of Crime and Financing of Terrorism: (concluded in Warsaw May 16, 2005)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 8. Art. 1091.
21. The Council of Europe. (2003) Konventsiya Soveta Evropy ob otmyvanii, vyyavlenii, iz'yatii i konfiskatsii dokhodov ot prestupnoy deyatel'nosti: (zaklyuchena v Strasburge 08.01.1990) [Convention of the Council of Europe on Laundering, Detection, Seizure and Confiscation of the Proceeds of Crime: (concluded in Strasbourg on January 8, 1990)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 3. Art. 203.
22. UNO. (2006) Konventsiya OON protiv korrupsitsii: prinyata na general'noy Assamblee OON 31.10.2003, ratifitsirovana Rossiyskoy Federatsiey 08.03.2006 [The UN

Convention against Corruption: adopted at the UN General Assembly on October 31, 2003, ratified by the Russian Federation on March 8, 2006]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 31. Art. 3424.

23. UNO. (2004) Konventsia OON protiv transnatsional'noy organizovannoy prestupnosti ot 15.11.2000 [The UN Convention against Transnational Organized Crime of November 15, 2000]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii – Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 40. Art. 3882.

24. Rawls, D. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Translated from English by V.V. Tselishchev. 2nd ed. Moscow: URSS.

25. Corning, P.A. (2007) Spravedlivye doli: po tu storonu kapitalizma i sotsializma, biologicheskie osnovaniya sotsial'noy spravedlivosti [Fair shares: on the other side of capitalism and socialism, the biological foundations of social justice]. In: Udumyan, N.K. (ed.) *Grani poznaniya: nauka, filosofiya, kul'tura v XXI veke* [Bounds of Knowledge: Science, Philosophy, Culture in the 21st century]. Moscow: Nauka.

26. Kanarsh, G.Yu. (2011) *Sotsial'naya spravedlivost': filosofskaya kontseptsiya i rossiyskaya situatsiya* [Social Justice: Philosophical Concept and the Russian Situation]. Moscow: Moscow State University for the Humanities.

27. Nozick, R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia]. Translated from English by B. Pinsker. Moscow: IRISEN.

28. Hayek, F.A. (2003) *Law, Legislation and Liberty: a New Statement of the Liberal Principles and Political Economy*. Vol. 2. London; New York: Routledge. pp. 67–69.

29. Mattei, U. & Pardolesi, R. (1991) Law and economics in civil law countries: a comparative approach. *Hastings Intellectual Review of Law and Economics*. 11. pp. 271–272.

30. Kaplow, L. & Shavell, S. (2001) Fairness versus Welfare. *Harvard Law Review*. 114. pp. 961–966. DOI: 10.1007/s11127-006-1056-z

31. Ryzhenkov, A.Ya. (2012) Ravenstvo i ierarkhiya v sovremennom grazhdanskom prave [Equality and hierarchy in modern civil law]. *Sovremennoe pravo*. 9. pp. 52–55.

32. Boganov, D.E. (2014) *Spravedlivost' kak osnovnoe nachalo grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti v rossiyskom i zarubezhnom prave* [Justice as the Main Principle of Civil Liability in Russian and Foreign Law]. Law Dr. Diss. Moscow.